

На правах рукописи

Мигунова Арина Владимировна

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ СТРАХА

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Нижний Новгород – 2007

Диссертация выполнена на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, доцент
Воронин Геннадий Леонидович
кандидат философских наук, доцент
Терентьева Ирина Николаевна

Ведущая организация: **Институт социологии РАН**

Защита состоится «24» мая 2007 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.166.14 при Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского по адресу:
603000, г.Нижний Новгород, Университетский пер., д.7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале фундаментальной библиотеки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, пр. Гагарина, д. 23, к. 1.

Автореферат разослан «23» апреля 2007 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.соц.н., доцент

Е.Е. Кутявина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Начавшиеся в первой половине 1990-х годов экономические, политико-правовые и социокультурные трансформации в нашей стране нарушили привычный образ жизни россиян, потребовали от них изменения основ своего социального функционирования. Необходимость приспособления к новой действительности вызвала сильные эмоциональные реакции среди населения, что послужило основанием для осуществления социологического анализа коллективных переживаний. Особую актуальность приобрело изучение состояния страха, ставшего элементом массовых настроений. Будучи одним из последствий социальных событий и процессов, имевших место в России, данное явление само могло стать источником негативных общественных изменений.

Осознание перспективы изучения социологического аспекта переживаний страха привело к тому, что некоторые социологи включили его в предмет своих научных интересов. Сегодня они рассматривают данное состояние как реакцию на общую ситуацию в стране и как переживание какого-либо конкретного ее аспекта, например, распространения преступности или терроризма.

Исследование социальности некоторых проявлений страха потребовало от ученых анализа объяснительных возможностей уже существующих теоретических традиций и конструирования новых идей. Не менее остро встал вопрос о разработке методологических инструментов с целью изучения переживаний страха. За период, в течение которого изучается данное явление, в этих областях познания накоплен определенный опыт.

Представляется актуальным рассмотреть результаты, достигнутые в сфере теоретического и практического исследования переживаний страха, получившего развитие в российской социологии сравнительно недавно. Не менее важным считаем привлечение к анализу идей зарубежных ученых, которые вносят вклад в осмысление социальности данного состояния, что позволит провести комплексное авторское исследование коллективного переживания страха и его социальных последствий на примере конкретного случая.

Степень научной разработанности проблемы

Непродолжительная история социологического изучения переживаний страха не позволила накопить обширный материал по осмыслению их социального содержания, хотя уже обозначилось несколько направлений исследования.

В среде российских ученых, уделяющих внимание данному феномену, можно выделить несколько групп единомышленников, использующих различные рамки его осмысления.

Так, следует объединить по схожести видения переживаний страха работы таких исследователей, как Ю. Левада¹, Л. Гудков², А. Голов³, Б. Дубин⁴. Рассматривая состояние страха как тип массового настроения, ученые выделяют различные его виды, формы, степени интенсивности. Характеризуют его носителей. Описывают возможные поведенческие варианты преодоления состояния страха. Некоторыми предпринимаются попытки рассмотреть его как основание для самоидентификации людей⁵.

Другая группа исследователей, среди которых В. Шляпентох, В. Шубкин, В. Ядов, С. Матвеева, В. Иванова, изучающих катастрофическое сознание как тип общественного сознания, выделила в нем эмоциональный компонент – катастрофическое настроение, наполненное разного рода страхами. При анализе последних социологи обращают внимание на особенности их предмета. Отличает этих ученых и акцент на анализе когнитивной основы переживаний страха. Они также описывают характеристики «получателей» страха и характер их отношений с «производителями» данной эмоции. Описываются способы поведенческого реагирования на страх⁶. Высказывания некоторых

¹ См., напр.: Левада, Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №3. – С. 7–15; Левада, Ю. Проблема эмоционального баланса общества / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №2. – С. 7–16; Левада, Ю. Фактор надежды / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – №2. – С. 7–15; Левада, Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – №4. – С. 8–18.

² См., напр.: Гудков, Л. Страх как рамка понимания происходящего / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 6. – С. 46–53.

³ См., напр.: Голов, А. Психологическое состояние россиян и его факторы / А. Голов // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1995. – №1. – С. 26–27; Голов, А. Постоянные страхи россиян / А. Голов // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1995. – №2. – С. 30–31; Голов, А. Порядок – Свобода – Страх: перемены за два года / А. Голов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006011101.html>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴ См., напр.: Дубин, Б. Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен / Б. Дубин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №3. – С. 16–24; Дубин, Б. Страх? Свобода? Страх свободы? / Б. Дубин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ej.ru/comments/entry/3118>, свободный. – Загл. с экрана.

⁵ См.: Гудков, Л. Страх как рамка понимания происходящего / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №6. – С. 46–53.

⁶ См., напр.: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 346 с.; Матвеева, С. Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 179 с.; Страхи и тревоги россиян: сб. статей. – СПб.: Издательство РХГИ, 2004. – 216 с.

исследователей можно использовать для иллюстрации институционализирующих проявлений этого состояния¹.

Как рядом отечественных ученых, так и западных накоплен опыт осмысления переживаний страха сквозь призму социологии риска. Изучается влияние свойств современных рисков на появление страха². А. Вилдавски и К. Дейк анализируют соперничающие теории восприятия риска, объясняющие, кто боится, чего и почему³. Особое внимание уделяется риск-коммуникации как торговле страхами⁴. Изучается вклад в это средств массовой информации⁵. Развиваются представления об «общностях страха»⁶ или «риск-солидарностях»⁷, характере сотрудничества их членов. Описываются разнообразные действия индивидов, позволяющие им уйти от состояния страха, объясняются причины возможного бездействия⁸. Есть потенциал для развития идей о социально-дифференцирующем и конфликтном значении этого переживания⁹. Рассматриваются институты, наличие в обществе которых позволяет людям чувствовать себя в относительной безопасности¹⁰.

В западной социологии сложилась специальная отрасль – социология эмоций. Ее представители высказывают как общие идеи об эмоции как абстрактной категории, которые можно распространить, в частности, и на состояние страха, так и непосредственно касающиеся исследуемого нами переживания. Например, ведутся споры о том, рассматривать ли эмоции (а значит, и страх) как врожденные феномены или как социокультурные конструкции¹¹. Осуществляется анализ области изменения страха, описывается участие страха в производстве других эмоций, предлагаются различные способы его типологизации. Наконец, рассматриваются такие аспекты проявления данного состояния, как страх и идентичность, страх и отношения обмена, страх и властно-

¹ Пригожин, А. И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) / А. И. Пригожин // ОНС. – 1994. – №2. – С. 114–125.

² См., напр.: Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – Вып.5. – С. 107–134; Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.; Бауман, З. Индивидуализированное общество/З. Бауман / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

³ Вилдавски, А. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? / А. Вилдавски, К. Дейк // Thesis. – 1994. – Вып.5. – С. 268–276.

⁴ Бек, У. Указ. соч. – 384 с.

⁵ Зубков, В.И. Социологическая теория риска: Монография / В.И. Зубков. – М.: Издательство РУДН, 2003. – 230 с.

⁶ Бек, У. Указ. соч. – 384 с.

⁷ Яницкий, О. Риск-солидарности: российская версия / О. Яницкий // Интер. – 2004. – №2-3. – С.52–61.

⁸ См.: Бек, У. Указ. соч. – 384 с.; Бауман, З. Указ. соч. – 390 с.

⁹ Бек, У. Указ. соч. – 384 с.

¹⁰ См.: Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – Вып.5. – С. 107–134; Зубков, В.И. Указ. соч. – 230 с.

¹¹ Lupton, D. The Emotional Self: a Sociocultural Exploration / D. Lupton. – London: Sage, 1998. – 195 p.

статусные позиции, страх и требования эмоциональной культуры общества, страх и ритуалы взаимодействия¹.

Что касается российской социологической практики изучения массовых переживаний страха, то она осуществляется в течение последних 18 лет. Исследования выполняются с использованием количественных методик. Социологи изучают широту распространения и динамику развития среди населения состояния страха как элемента массового настроения, а также репертуар и рейтинг коллективных страхов перед конкретными социальными событиями и процессами².

Анализ западных прикладных исследований переживаний страха автором диссертации не осуществлялся, однако заинтересовал опыт изучения формирования в средствах массовой информации дискурса страха³.

В целом, степень разработанности проблемы состояния страха, его социальных проявлений, прежде всего, в российской социологии не высокая, в то время как в знании в этой области есть необходимость.

Целью диссертационной работы является изучение социологических концепций переживаний страха, анализ особенностей их эмпирического исследования.

Задачи диссертационной работы:

- Выявить отрасли социологического знания, в рамках которых исследуется состояние страха, его социальные проявления;
- Установить общее и особенное в теоретических подходах к анализу этого переживания;
- Проанализировать существующие в российской социологии практики и результаты эмпирического изучения массовых эмоций страха;
- Определить трудности, связанные с использованием количественных методов исследования состояний страха;

¹ Turner, Jonathan H. The sociology of emotions / Jonathan H. Turner, Jan E. Stets. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 349 p.

² См., напр.: Левада, Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – №4. – С. 8–18; Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 346 с.; Иванова, В.А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества / В.А. Иванова, В.Н. Шубкин // Социс. – 2005. – №2. – С. 22–28; «Евразийский монитор». Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства. 5-я волна опросов. Апрель-май 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zircon.ru/russian/publication/5_1.shtml, свободный. – Загл. с экрана.

³ См.: Altheide, David L. Fear in the news: a discourse of control / David L. Altheider, R. Sam Michalowski // The Sociological Quarterly. – 1999. – Vol.40. – No.3. – P. 475–503.

- Провести исследование коллективного переживания страха и его социальных последствий на примере конкретного случая с применением качественного метода сбора информации.

Объектом исследования являются социальные проявления переживаний страха.

Предметом исследования выступают социологические концептуализации и эмпирические исследования состояний страха.

Теоретико-методологическая основа диссертации

Общеметодологическую основу исследования составили принципы системности и сравнительного анализа, позволившие сопоставить и обобщить различные теоретические представления и прикладные исследования переживаний страха, их социальных последствий. В диссертации представлены идеи, лежащие в области общей социологии, социологии катастроф, социологии риска, социологии эмоций.

В исследовании использованы методы вторичного анализа социологической информации и полуструктурированного интервью. В качестве подходов к анализу интервью использовались конденсация смысла, основанная на поиске естественных смысловых единиц и выявлении их основного содержания, и категоризация значений, позволившая фиксировать наличие или отсутствие изучаемого явления и обозначить степень его выраженности.

Эмпирическую базу диссертационной работы составили данные: ряда всероссийских опросов общественного мнения, проводимых специалистами ВЦИОМ и «Левада-центра» с 1989 по 2006 гг.; сравнительного международного исследования «Катастрофическое сознание в современном мире», осуществлявшегося с 1996 по 1999 гг. совместно сотрудниками Мичиганского государственного университета, Института социологии РАН, группой ЦИРКОН; исследования «Дезинтеграция российского общества и перспективы движения к солидаризации», выполненного Фондом «Общественное мнение» в 2003 г.; сравнительного исследования социальных тревог и опасений в странах «Большой Восьмерки» (проект «G8-Fears»), проведенного Международным агентством «Евразийский монитор» и Компанией Global Market Insite, Inc. (GMI) с 15 по 23 июня 2006 года среди Интернет-аудитории; осуществленной в апреле-мае 2006 г. 5-й волны проекта «Евразийский монитор», единым межстрановым оператором которого выступило международное исследовательское агентство «Евразийский монитор»; контент-анализа американской прессы с целью изучения формирования дискурса страха, выполненного

сотрудниками государственного университета штата Аризона David L. Altheide, R. Sam Michalowski.

В 2007 г. проведено авторское исследование коллективного переживания страха методом полуструктурированного интервью на примере ситуации, сложившейся в г.Павлово Нижегородской области в связи с предполагаемым промышленным освоением месторождений гипса и ангидрита в Павловском районе. В качестве интервьюируемых выступили жители г.Павлово. Всего было проведено 15 интервью, средняя продолжительность каждого из которых составила 45 мин.

Научная новизна исследования

- Впервые дан комплексный анализ современных отраслевых отечественных и зарубежных социологических концептуализаций переживаний страха.
- Впервые на основе анализа и сопоставления результатов количественных исследований коллективных переживаний страха обоснована необходимость использования качественных методов их изучения.
- Проведенное автором с использованием качественной методики сбора данных исследование конкретного случая позволило впервые одновременно выявить характер изменения коллективного переживания страха и его идентификационный, поведенческий, конфликтный и институционализирующий потенциал.
- Введенные автором в научный оборот новые источники в области социологии эмоций обогатили социологический анализ состояния страха, его социальных проявлений.

Положения, выносимые на защиту

- В сферу социологического интереса отечественных исследователей тема массовых переживаний страха вошла в начале 1990-х годов в связи с изучением эмоциональных реакций населения на трансформации, которым подверглось российское общество. Их теоретическое осмысление стало осуществляться в рамках общей социологии, а также сквозь призму таких отраслевых дисциплин, как социология катастроф и социология риска.

Для российских ученых характерен макросоциологический уровень анализа состояний страха. В число рассматриваемых аспектов данного переживания входят: изучение форм, видов, степеней интенсивности страха и свойственных ему эффектов; описание предмета того или иного вида массового страха, его свойств; исследование носителей и производителей коллективных состояний страха, их характеристик; определение социальных проявлений переживания страха, а именно: его способности

выступать источником самоидентификации и групповой идентичности, приводить к социальной дифференциации и конфликтам, влиять на поведение и создание действующих на постоянной основе институтов, призванных, в том числе, снизить уровень страха.

Представители зарубежной социологии эмоций чаще используют микросоциологический подход к изучению переживаний страха. Для этого привлекаются драматургические и культурные теории, теории символического интеракционизма, теории обмена, структурные теории, теории ритуалов, эволюционные теории. Исследование ими совместного переживания страха на макроуровне способствовало приращению знания относительно социальных групп, которые могут его испытывать, и конструктивных коллективных действий, обусловленных данным состоянием.

- Существующие в отечественной социологии исследования массовых переживаний страха реализуются с использованием количественных методов. Анализ особенностей различных способов измерения страха как элемента массового настроения и коллективных страхов перед конкретными социальными событиями и процессами, сопоставление полученных с их помощью результатов, заставили поставить под сомнение надежность имеющихся методик и, соответственно, показателей. Хотя следует признать, что эмпирически изучать это переживание весьма сложно. Есть, например, трудности с его операционализацией, дифференциацией степеней интенсивности, выделения среди других состояний, интерпретацией полученных результатов и др. В итоге, некоторые социологи признают, что не измеряют непосредственных переживаний страха, что слова «эмоция» и «страх» в их опросах носят метафорический характер.

- Проведенное автором социологическое исследование позволило проиллюстрировать коллективное переживание страха на примере малого города (г. Павлово), ситуации с возможной добычей полезных ископаемых в Павловском районе Нижегородской области. Выявлен характер развития этого состояния. Установлено, что совместное переживание страха привело к формированию общности, но существуют различия в представлениях относительно того, кто в нее входит. Обнаружен конфликтный потенциал ситуации. Общее переживание страха способствовало развитию как индивидуальных стратегий поведения, имеющих разнонаправленный характер, так и коллективных. Среди жителей г.Павлово, в той или иной мере разделяющих чувство страха, присутствует желание создания юридически оформленной организации, которая бы занималась вопросом, вызывающим данную реакцию. Установлен спектр объяснений людьми своего бездействия, несмотря на наличие у них переживаний страха.

- Анализ введенных в научный оборот оригинальных текстов зарубежных авторов, представляющих концептуальные основы социологии эмоций, позволяет расширить видение социологического аспекта переживания страха.

Научно-практическая значимость диссертационной работы

Данное диссертационное исследование вносит определенный вклад в социологический анализ переживаний страха как составляющей социальных процессов современной России.

Авторское качественное исследование коллективного переживания страха расширяет возможности его эмпирического изучения.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в вузовских лекционных курсах по социологии социальных институтов и процессов, а также для разработки специализированного курса по социологии эмоций.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации изложены автором в 9 публикациях общим объемом 3,3 п.л, в том числе одна в рецензируемом издании, а также в сообщениях на конференциях: всероссийская научная конференция “Сорокинские чтения – 2004: Российское общество и вызовы глобализации”. (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, 7-8 декабря 2004 г.); международная научно-практическая конференция “Организация в фокусе социологических исследований” (Н.Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 14-15 апреля 2005 г.); международная научно-практическая конференция «Девиация и делинквентность: социальный контроль» (Н.Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 21-21 апреля 2006 г.); XIV международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 11-14 апреля 2007 г.); шестая международная научно-практическая конференция «Государственное регулирование экономики. Региональный аспект» (Н.Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 17-19 апреля 2007 г.). Апробация работы проходила также на методологических семинарах с профессорами университета Дуйсбург-Эссен (Германия).

Структура работы

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, описывается степень научной разработанности проблемы, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, характеризуются его теоретико-методологическая и эмпирическая база, раскрываются научная новизна и научно-практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Теоретическое осмысление переживаний страха в отечественной и западной социологии», состоящей из четырех параграфов, систематизированы по отраслевому признаку социологические концептуализации переживаний страха, описана специфика каждой из них.

Первый параграф «Общесоциологические представления российских социологов о массовых переживаниях страха». Л. Гудков, Ю. Левада, А. Голов, Б. Дубин, чьи идеи можно отнести к общесоциологическим, рассматривают страх как массовую эмоциональную реакцию на те или иные социальные события и процессы, происходящие в обществе. Массовость страха означает, что это переживание является общим для социальных групп макроуровня. По мнению Ю. Левады, широкое распространение среди населения данного состояния способно привести к нарушению эмоционального баланса общества, что, в свою очередь, может угрожать стабильности социальной жизни¹.

Исследователи проводят различие между страхом как общим эмоциональным состоянием и страхом как реакцией на какое-то определенное социальное событие или процесс.

В своих работах социологи ведут речь только об открытых формах общих переживаний страха, которые осознаются людьми и вербально выражаются. Но, предупреждает Ю. Левада, в результате длительного присутствия это переживание имеет возможность перестать быть актуальным². Соответственно, оно может не артикулироваться населением. Что касается видов страха, то, по мнению того же исследователя, коллективное состояние страха способно переходить от острого к хроническому. Б. Дубин считает, что оно может следовать либо за опытом, либо опережать его.

Анализируя характеристики носителей массовых страхов, Л. Гудков и Ю. Левада связывают подверженность данному чувству с объемом социальных ресурсов: слабо ресурсные группы испытывают его чаще и дольше.

¹ Левада, Ю. Проблема эмоционального баланса общества / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №2. – С. 12.

² Там же. – С. 10.

Среди социальных последствий коллективных переживаний страхов, социологи выделяют, прежде всего, их влияние на общественно значимые действия как конструктивные, так и деструктивные. Но, как утверждают исследователи, опыт анализа советской и постсоветской действительности свидетельствует, что чаще всего они сопряжены с пассивностью¹.

Внимание ученых привлекает также такое социальное проявление состояния страха, как его способность выступать элементом структуры самоидентификации индивидов. Как пишет Л. Гудков, страх обеспечивает поддержание некоторых важнейших ценностей и самоидентификации для групп, не имеющих специализированных средств их акцентирования и выражения².

Параграф второй «Концептуализация переживаний страха в отечественной социологии катастроф». Социологи, работавшие в русле социологии катастроф, среди которых В. Ядов, В. Шубкин, В. Шляпентох, В. Иванова, С. Матвеева и др., занимались изучением катастрофизма, характеризующегося «концентрированным выражением страхов», и внесли определенный вклад в общее представление о коллективных переживаниях страха.

Исследователи считают, что чувство страха амбивалентно, так как способно оказать как позитивное, так и негативное воздействие на социальную жизнь. Результат зависит от наличия когнитивного компонента в этом состоянии.

Устанавливаются различные уровни страха: от некоторого беспокойства до постоянного страха.

Социологи прибегают к описанию предмета коллективного страха, то есть, катастроф, их свойств: характера появления, области реализации, длительности существования и др., с тем, чтобы объяснить распространение подобной реакции. А. Пригожин устанавливает складывающиеся в массовом сознании россиян образы катастроф, что также может быть использовано при изучении страхов населения.

Не менее значимым для понимания массовых переживаний страха исследователи считают выявление культурно-исторических, социальных и личных факторов, обуславливающих данное состояние. Однако, указывают ученые, есть «универсальные» события, которые у всех и всегда вызывают страх. Это природные бедствия, войны и преступления³.

¹ Там же. – С. 16.

² См.: Гудков, Л. Страх как рамка понимания происходящего / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – №6. – С. 53.

³ См.: Матвеева, С. Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – С. 31.

Так же, как и предыдущие исследователи, социологи, рассматривающие коллективный страх сквозь призму социологии катастроф, сосредотачиваются на анализе его деятельностного потенциала. Они выделяют активные и пассивные варианты поведения. Конструктивность активных действий объясняется сохранением контроля над чувством. При его отсутствии действия могут воплотить в реальность те события и процессы, которых люди боятся. Пассивное же состояние, по их мнению, выражается в апатии и эскапизме.

Массовые страхи могут способствовать солидарным действиям, направленным на преодоление нависшей угрозы. Но может быть и обратный эффект, когда коллективное состояние страха приводит к социальной разобщенности и демобилизации. Последний вариант представляется социологам наиболее частым.

Кроме того, исследователи допускают, что «перед лицом общей катастрофы вполне возможно единение групп, сообществ и государств»¹. Думается, речь здесь идет о вероятности обретения общегражданской идентичности на основе страха перед угрожающей всем катастрофой.

Поскольку ученые рассуждают также о социально-дифференцирующем и конфликтном проявлениях катастроф, допускаем возможность распространения этих черт и на страх перед ними.

Наконец, некоторые высказывания А. И. Пригожина можно интерпретировать так, что массовый страх перед катастрофами может иметь институционализирующее проявление, то есть он способен служить поводом для создания и функционирования на регулярной, долговременной основе образований, занимающихся отслеживанием развития ситуаций, способных стать катастрофическими, оповещением общества о них и борьбой с ними.

В третьем параграфе «Осмысление состояния страха в социологии риска» рассматриваются идеи, содержащие объяснение переживаний страха в ракурсе социологии риска. Их появление обусловлено рефлексией негативных последствий рисков, опасностей, которые они несут.

Желая понять причины появления состояния страха, исследователи обращаются к анализу свойств рисков, таких, например, как степень их новизны, характер последствий и др. Изучаются особенности самих индивидов, определяющие то, каким будет их восприятие риска. Существует несколько несовпадающих объяснений страхов людей. Одни считают, что чем больше люди знают о каком-то риске, тем больше он их тревожит. Другие выявляют личностные черты, обуславливающие реакцию страха. Третьи

¹ Там же. – С. 66.

утверждают, что приемлемость риска определяется принадлежностью к бедным или богатым. Четвертые при объяснении реакций индивидов на тот или иной риск учитывают их политические воззрения и/или принадлежность к той или иной партии. Пятые предполагают, что люди, являясь активными организаторами собственного восприятия, выбирают, чего бояться, чтобы поддерживать свой образ жизни.

Помимо вышеперечисленных попыток западных социологов разработать теории, позволяющие объяснить появление страха и его избирательность теми или иными особенностями самих индивидов, можно привести также идеи российских исследователей, предлагающих учитывать индивидуальную биографию человека, отношение к вере, семейное положение, наличие детей, характер занятости, направленность самоидентификации (от индивидуалистической до интернациональной), самооценку состояния и динамики здоровья, психологическую направленность личности на активное поведение в окружающей социальной среде¹.

Особое внимание отечественных и зарубежных ученых обращено к особенностям риск-коммуникации, в которой представления риска определенным образом опосредованы интересами конкретных субъектов коммуникации. Итоги борьбы между последними за определение риска влияют на то, какие страхи появятся у населения. То есть, речь идет о социальном конструировании страхов. В. И. Зубков обращается также к анализу особенностей арен, где разворачивается эта борьба, важнейшей из которых выступают средства массовой информации.

В работах У. Бека, О. Яницкого содержится осмысление общих переживаний страха как источника групповой или социальной идентичности, когда индивиды воображают, что они принадлежат к некоему более широкому образованию – общности, члены которой имеют что-то общее. Предпринимаются попытки объяснить назначение подобного рода коллективных образований либо как прибежища, обеспечивающего людям безопасность и уверенность², либо как основы конфликтного взаимодействия³. Последнее, соответственно, позволяет развивать идеи о социально-дифференцирующих и конфликтных последствиях коллективных состояний страха.

Анализируя поведенческий потенциал общностей страха, исследователи заключают, что идея коллективных действий не находит серьезной поддержки среди их членов. Если и возникает сотрудничество, то оно имеет неустойчивые, быстро

¹ См.: Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. – М.: Изд-во института социологии РАН, 2001. – С. 31–32.

² Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – С. 190.

³ См.: Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс–Традиция, 2000.

исчезающие формы – краткосрочные кампании или коалиции¹. Они возникают и распадаются в определенных ситуациях, ограничены местом и временем, рассчитаны на немедленные результаты и обычно индифферентны к макросоциальным изменениям.

Рассматривая же индивидуальные поступки людей, пытающихся преодолеть или подавить страхи, возникающие вследствие переживания реальной или воображаемой подверженности риску, социологи более всего обращают внимание на пассивность или иррациональное поведение, которое может выражаться в агрессии, смещенных и символических действиях.

Наконец, в данной отрасли социологии изучаются те институты, существование которых позволяет людям чувствовать себя в относительной безопасности. Н. Луман относит, например, к ним норму, собственность и контракт². Сюда же можно причислить институт страхования, а также «абстрактные системы» Э. Гидденса.

В четвертом параграфе «Концептуализация переживаний страха в социологии эмоций» представлены взгляды исключительно западных теоретиков, поскольку эта отраслевая дисциплина пока не получила развития в российской социологии.

Здесь ведутся дискуссии относительно того, рассматривать ли эмоции как врожденные либо как социокультурные образования. Мы будем придерживаться слабо конструкционистской позиции. То есть, признавая, что страх относится к числу базовых эмоций, мы считаем, что его активация, переживание и выражение являются опосредованными эмоциональной культурой общества и структурой тех ситуаций, которые требуют от индивидов переживания и выражения конкретных эмоций. Но социокультурные условия никогда полностью не подавляют действий биологических процессов. Люди бывают настолько напуганными, что не могут контролировать себя, даже если нормы предписывают им выражать другие эмоции и с меньшей интенсивностью.

Исследователи, в частности, Дж. Тернер, показывают области изменения в переживании страха. Анализируют возможности взаимодействия его с другими эмоциями. Предпринимают попытки типологизировать его, используя для этого различные критерии. Так, по отношению ко времени, страх, по мнению Т. Кемпера, относится к переживаниям, ориентированным на настоящее. Кроме того, он причисляет его к дифференцирующим эмоциям, которые сохраняют различия между людьми. От рассмотрения страха как исключительно негативного переживания социологи стали отказываться, ссылаясь на необходимость учитывать контекст в определении его значения.

¹ См.: Бек, У. Указ. соч. – С. 145–146; Бауман, З. Указ. соч. – С. 288–289.

² Зубков, В.И. Социологическая теория риска: Монография / В.И. Зубков. – М.: Издательство РУДН, 2003. – С. 138.

В данной отрасли социологического знания предпринимается чаще всего микросоциологический анализ переживаний страха. Рассматривается связь страха с несоответствием идентичности культурным стандартам и отсутствием подтверждения ее другими. Выявляются ситуации отношений обмена, сопряженных со страхом. Изучается обусловленность страха ухудшением (реальным или ожидаемым) положения в структуре властных и статусных отношений. Есть перспективы исследования страха в ответ на сбои в ритуалах взаимодействия, а также стратегий работы над страхом с целью соответствия требованиям эмоциональной культуры или субкультуры.

Характерный для всех описанных ранее отраслей социологии макросоциологический анализ коллективных переживаний страха осуществляется и здесь. Его ценность заключается в том, что опровергаются традиционные представления, согласно которым состояние страха характерно исключительно для подчиненных, занимающих слабое положение в структуре властных отношений групп. Его могут испытывать и элиты, считает Дж. Барбалет. Кроме того, он уделяет особое внимание конструктивному значению коллективных стратегий поведения, стимулированных страхом.

Во **второй главе** «Исследование в российской социологии состояния страха как элемента массового настроения и коллективных страхов перед конкретными социальными событиями и процессами: особенности и проблемы», состоящей из трех параграфов, представлены способы эмпирического исследования, используемые отечественными социологами при изучении общих переживаний страха, проведено сравнение полученных с помощью них результатов, названы трудности, связанные с измерением подобных состояний. В данной главе содержится также описание авторского исследования коллективного страха и его социальных последствий на примере конкретного случая с применением качественной методики сбора информации.

Параграф первый «Количественные методы эмпирического исследования состояния страха как элемента массового настроения».

Настоящий этап в развитии количественных исследований состояния страха как элемента массового настроения можно охарактеризовать как период поиска наиболее адекватного и надежного инструмента его измерения. Социологи пробуют различные способы, находят новые, совершенствуют уже имеющиеся. Назовем те, которые применяются сегодня в рамках массовых опросов населения.

1. Специалисты ВЦИОМ и «Левада-центра» задают респондентам среди прочих следующий вопрос: «Каким было Ваше настроение в последние дни?». В качестве альтернативных ответов предлагаются: прекрасное настроение; нормальное, ровное

состояние; испытываю напряжение, раздражение; испытываю страх, тоску; затрудняюсь ответить¹.

2. Эти же исследователи используют и такой вопрос: «Какие чувства проявились, окрепли у Вас лично/у окружающих Вас людей за прошедший год?». В качестве возможных вариантов ответов предлагаются: надежда; усталость, безразличие; одиночество; страх; чувство собственного достоинства; обида; растерянность; зависть; отчаяние; уверенность в завтрашнем дне; чувство свободы; ожесточение, агрессивность; ответственность за происходящее в стране; гордость за свой народ; другое; затрудняюсь ответить².

3. Кроме того, социологи «Левада-центра» спрашивают респондентов: «За последние 4 года в России стало больше или меньше страха?» (наряду с радостью, уверенностью, свободой, порядком)³.

4. Этими же исследователями практикуется и такой способ, когда опрашиваемых просят ответить на вопрос: «Что вы обычно испытываете, думая о будущем?». В качестве альтернативных ответов предлагаются: уверенность, оптимизм; надежда; спокойствие, без особых надежд; тревога, опасение; страх, отчаяние; ничего из этого⁴.

5. При проведении же международных сравнительных исследований социальной тревожности населения разных стран некоторыми социологами используются сразу два вопроса⁵:

1. Вы уверены или не уверены в своем будущем: а. вполне уверен б. пожалуй, уверен в. пожалуй, не уверен г. совершенно не уверен	2. Жизнь в нашей стране становится: а. безусловно, более безопасной б. скорее более безопасной в. скорее более опасной г. безусловно, более опасной
---	---

¹ См., напр.: Левада, Ю. Проблема эмоционального баланса общества / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №2. – С. 8.

² См., напр.: Левада, Ю. Проблема эмоционального баланса общества / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №2. – С. 7.

³ Голов, А. Порядок – Свобода – Страх: перемены за два года / А. Голов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006011101.html>, свободный. – Загл. с экрана.

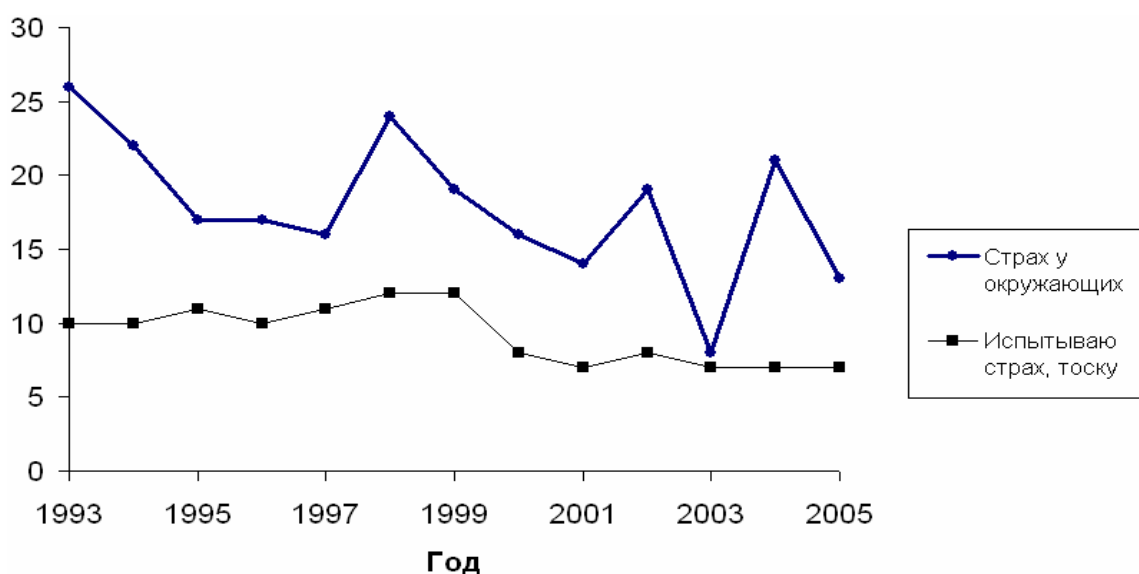
⁴ См.: Левада, Ю. Фактор надежды / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – №2. – С. 7–15.

⁵ Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран G-8. Июнь 2006 г. основные результаты опроса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/russian/publication/1/060712.zip>, свободный. – Загл. с экрана.

Различия в формулировках вопросов, а также количестве и характере предлагаемых альтернативных ответов определяют разницу в получаемых показателях, которые иногда значительно отличаются друг от друга.

Представим на графике имеющиеся в нашем распоряжении значения показателей «испытываю страх, тоску» (1 вопрос) и «страх у окружающих» (2-ая часть 2-го вопроса), которые были зафиксированы с 1993 по 2005 гг.:

График №1

На графике видно, что с 1993 по 1997 гг. включительно были незначительные колебания степени распространенности совокупного показателя страха и тоски у населения в пределах 1% (с 10% до 11%). В 1998 г. и 1999 г. были достигнуты самые высокие значения страха и тоски – 12%. Затем наступает переломный момент, и с 2000 г. этот показатель плавно, практически без колебаний, снижается до 7% и остается таковым до конца 2005 г. (Отметим, что в 2006 г. он варьировал с 5% до 6%). Анализируя же характер изменения «страха у окружающих», можно заметить, что в период с 1993 по 1997 гг. происходит его уверенное и значительное снижение с 26% до 16%. 1998 г., как и в предыдущем случае, являлся критическим, когда этот показатель достиг отметки в 24%, затем он вновь упал до 14% к 2001 г., после чего наблюдаются резкие колебания значений «страха у окружающих» с 14% в 2001 г. до 19% в 2002 г., с 19% в 2002 г. до 8% в 2003 г., потом он опять увеличивается до 21% в 2004 г., и, наконец, падает до 13% в 2005 г. То есть, почти не наблюдается общих тенденций в развитии этих показателей.

Несмотря на то, что люди приписывают состояние страха чаще окружающим, чем себе, доступные нам личные показатели страха, полученные социологами с помощью второго вопроса, оказались выше совокупных величин страха и тоски, зафиксированных при использовании в опросах общественного мнения первого вопроса. Например, 18%

(отметивших, что у них лично проявилось и окрепло чувство страха в прошедшем, 1999 году) против 12% (выбравших совокупный показатель, включающий страх и тоску, при оценке своего настроения в 1999 г.) и, соответственно, 10% против 7% в 2003 г.

Если же приводить результаты, полученные при использовании третьего вопроса, то, например, 56% населения в январе 2004 г. и 58% в декабре 2005 г. посчитало, что страха за последние 4 года в России стало больше (приводится сумма ответов «определенно больше» и «скорее больше»). Когда чуть более половины населения и в 2004 и 2005 гг. признает, что жить стало страшнее, делать выводы о его удовлетворительном состоянии нельзя. Тогда как, при анализе изменения совокупного показателя «испытываю страх, тоску» в период с 2002 по 2005 гг. можно было бы утверждать обратное, поскольку он в это время был практически постоянным (не увеличивался, а наоборот, упал с 8% до 7%) и довольно низким.

Применение исследователями в декабре 2002 г. в опросе общественного мнения четвертого типа вопроса показало, что думая о будущем, больше всего респонденты чувствуют тревогу и опасение (35%), тогда как страх и отчаяние испытывает самое меньшее количество человек, отметивших у себя какое-либо из предложенных им на выбор переживаний в отношении будущего (7%).

Наконец, с помощью последнего типа вопроса нельзя получить точных показателей уровня социальной тревожности, подобного рода данные можно использовать лишь с целью осуществления сравнения (больше-меньше). Трудно и интерпретировать их. Так, по результатам проведенного с 15 по 23 июня 2006 г. среди российской Интернет-аудитории опроса, в той или иной степени уверены в своем будущем 54% опрошенных, вместе с тем 55% респондентов утверждает, что жизнь в стране становится опасней.

Таким образом, возникает критически-недоверчивое отношение к методикам и, соответственно, результатам исследований. Но нельзя не признать, что эмпирически изучить состояние страха как элемент массового настроения весьма трудно. Это переживание сложно операционализировать, установить диапазон его возможных проявлений, найти разницу между ними и определить точки перехода одного из них в другое. Нелегко отделить состояние страха от других эмоций, с которыми оно может тесно переплетаться в реальной жизни. Требуются большие усилия, чтобы выявить неосознаваемый или подавленный страх, тем более непосредственным, а не косвенным образом.

Параграф второй «Количественные методы измерения массовых страхов перед конкретными социальными событиями и процессами». Не менее сложно обстоят дела и с количественным измерением коллективных страхов перед конкретными социальными

событиями и процессами. Различаются перечни «предметных страхов», которые исследователи предлагают респондентам. В них может быть от 10 до 43 позиций. При этом включаются разные события и процессы, в результате чего трудно сопоставить показатели, зафиксированные различными группами социологов, и выбрать наиболее адекватные и надежные.

Проанализируем имеющиеся у нас результаты исследований, полученные специалистами ВЦИОМ и «Левада-центра» в 1989, 1994, 1999 и 2003 гг. в рамках общероссийского проекта «Человек советский»¹.

В 2003 г. лидерами в рейтинге страшящих людей событий были события микроуровня, касающиеся здоровья и жизни непосредственно самого человека или его близких. Интересен тот факт, что ценность личного физического благополучия всегда ниже ценности жизни и здоровья членов своей семьи. И даже возможность Мировой войны в 1989 г., нападения преступников, произвола властей и беззакония в 1994 г., безработицы и бедности в 1999 г. пугали больше, чем потеря своего здоровья и жизни.

В 2003 г., по сравнению с 1999 г., наблюдается снижение интенсивности всех видов коллективных страхов (падают средние значения или индексы, вычисленные социологами на основе 5-балльной шкалы от «совершенно не испытываю страха» до «испытываю постоянный страх»).

Отметим также, что боязнь перед нападением преступников с 1994 по 2003 гг. меняла свое место, перемещаясь со 2-го места в 1994 г. на 5-ое в 1999 г. и с 5-го на 3 место в 2003 г., хотя ее индекс, определяющий уровень страха, все время падал.

Страх же перед безработицей и бедностью с 6-го места в 1994 г. переместился на 2-е в 1999 г., а потом вновь опустился, но уже на 4-ое место в 2003 г. При этом его индекс то рос, то понижался. Заметим, что существующие среди российских исследователей мнения относительно того, являются ли появление и/или рост среди населения данного страха рациональными или иррациональными, расходятся.

Меньше всего с 1994 по 2003 гг. людей пугали публичные унижения и оскорбления, возврат к массовым репрессиям, стихийные бедствия. Хотя их индексы постоянно падали, но в «борьбе за рейтинг» страх перед стихийными бедствиями поднялся в 1999 г. с 10-го на 8 место, где и закрепился.

Теперь рассмотрим результаты других исследований, выполненных по сходной методике: в 1996 и 1998 гг. – социологами, участвовавшими в проекте «Катастрофическое

¹ См.: Левада, Ю. Проблема эмоционального баланса общества / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №2. – С.9; Левада, Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – №4. – С. 17.

сознание в современном мире»¹, в 2003 г. – сотрудниками Фонда «Общественное мнение», реализовавшими проект «Дезинтеграция российского общества и перспективы движения к солидаризации»², в 2006 г. – агентством «Евразийский монитор», изучавшим восприятие социальных рисков и угроз населением стран СНГ³.

На 1-м месте в рейтинге массовых страхов в 2006 г. находится вариант «обнищание, безработица». В более ранних исследованиях он состоял из двух частей: «снижение жизненного уровня, обнищание общества» и «массовая безработица» в 1996, 1998 гг., и «низкий уровень жизни» и «безработица» в 2003 г., по каждой из которых производили замеры. При этом, даже будучи разъединенными, они находились всегда на высоких строчках: 2-й и 6-й в 1996 г., 1-й и 3-й в 1998 г., 4-й и 5-й соответственно в 2003 г. Поэтому не удивительно, что объединенный показатель занял самую высокую рейтинговую позицию. За ним следует «рост преступности» («криминализации общества» или «преступность, бандитизм»). Замыкая в 1996 и 1998 гг. пятерку опасностей, вызывающих сильную тревогу и постоянный страх, в 2003 г. он вышел на 2-ю позицию и сохранил ее в 2006 г.

Резкий подъем наблюдается у показателя «терроризм». Если в 1996 г. он находился на 11 месте, в 1998 г. – на 15-м, то в 2003 г. он переместился на 3-е место, где и остается в 2006 г.

Если в 1996 и 1998 гг. в перечне опасностей содержалось множество отдельных проявлений экологической катастрофы, часть из которых вошла в число тех 10-ти опасностей, которые вызывают сильную тревогу и постоянный страх (например, уничтожение лесов на планете), то с 2003 г. стал использоваться общий термин «экологические катастрофы». Тогда он оказался на 7 месте, а в 2006 г. поднялся на 4-ое.

Не использовавшийся в более ранних исследованиях данного типа показатель «утрата моральных ценностей», будучи введенным в 2006 г., сразу занял 5 позицию.

Остаются на протяжении всего времени подобного рода замеры в десятке опасностей, вызывающих у респондентов сильную тревогу и постоянный страх, показатели «коррупция» и «беззаконие», которые в 2006 г. были объединены в один и находятся на 6-й строке.

¹ См., напр.: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 347 с.

² См.: Иванова, В.А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества / В.А. Иванова, В.Н. Шубкин // Социс. – 2005. – №2. – С. 22–28.

³ «Евразийский монитор». Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства. 5-я волна опросов. Апрель-май 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zircon.ru/russian/publication/5_1.shtml, свободный. – Загл. с экрана.

Заслуживает внимания «карьера» показателей «Массовые эпидемии» и «Природные катаклизмы». В 1996 г. опасность «Массовые эпидемии» была на 5 месте. В 1998 г. резко опустилась на 24 позицию. В 2003 г. ее не использовали в опросе общественного мнения, а в 2006 г. она уже заняла 8 строку. Опасность же «Природные бедствия» в 1996 г. находилась на 21 позиции, в 1998 г. – на 13-й, в 2003 г. она не была включена в перечень опасностей, а в 2006 г. «природные катаклизмы» заняли 10-ое место среди опасностей, вызывающих сильную тревогу и постоянный страх.

Думается, что при анализе изменений этих (и других) показателей следует учитывать усилия СМИ, поскольку в новостных программах сегодня широко и часто освещается как тема распространения всевозможных массовых эпидемий, так и тема бедствий, имевших место в разных концах света.

Сегодня социологи прежде всего стремятся разработать методические процедуры, позволяющие верно определить присутствие и распространенность страха в социальной среде, различных его видов, и практически нет исследований, направленных, например, на сопоставление субъективного переживания какого-то конкретного коллективного страха и объективных условий для его развития или на объяснение изменчивости, непостоянства одних видов страхов и устойчивого положения других.

Поскольку существуют серьезные трудности, связанные с использованием количественных методов исследования коллективных переживаний страха, считаем необходимым применять на начальном этапе изучения качественные (мягкие) методы сбора данных. Результаты подобного опыта изложены в третьем параграфе «Качественное исследование коллективного переживания страха на примере конкретного случая».

В 2007 г. нами было проведено качественное исследование методом полуструктурированного интервью с целью иллюстрации коллективного переживания страха и его социальных проявлений на примере конкретного случая. В качестве такового была выбрана ситуация, сложившаяся в г. Павлово Нижегородской области в связи с предполагаемым промышленным освоением месторождений гипса и ангидрита в Павловском районе.

В качестве интервьюируемых выступило 15 жителей г. Павлово. Предварительное ознакомление с обстановкой вокруг возможной добычи ископаемых в Павловском районе позволило выделить наиболее активную в отношении этой ситуации часть населения, поэтому ее представители также были включены в выборку вместе с теми, кто попал в нее случайным образом.

При анализе интервью использовались такие подходы, как конденсация смысла, основанная на поиске естественных смысловых единиц и выявлении их основного

содержания, и категоризация значений, позволившая фиксировать наличие или отсутствие изучаемого явления и обозначить степень его выраженности.

В ходе исследования был выявлен ряд переживаний, которые испытывают интервьюируемые в связи с тем, что обозначенное событие может произойти в их районе, среди них: интересующее нас чувство страха, проявляющееся с различной степенью интенсивности, и чувство негодования, также имеющее разную силу. Поскольку исследовательская ситуация далека от лабораторного эксперимента, исключить взаимовлияние этих эмоций друг на друга нельзя и, соответственно, трудно (если вообще возможно) определить чистый эффект, производимый каждой из них.

Среди обозначений первых эмоциональных реакций, которые в той или иной мере отражают состояние страха, интервьюируемые использовали следующие: заинтересовался, насторожило, всколыхнуло, взбудоражило, беспокойство, волнует, очень волнует, опасение, тревога, сильная тревога, испуг, страшно, паника, шок, ужас, жутко. Кроме того, высказывались такие фразы, как «это угроза», «подвергают риску», «это вредно», «я считаю, что это для меня плохо».

Были зафиксированы разные периоды возникновения у населения тех или иных переживаний страха, отличны моменты наивысшей точки его развития, не совпадают по интенсивности эмоциональные состояния на сегодняшнем этапе. Но важно отметить наличие эффекта заражения данным чувством. Некоторые интервьюируемые признают, что, не придав сначала значения услышанной ими новости, *«не вдумавшись в нее»*, позднее заразились тревожным настроением, *«появ по реакциям других, что это плохо»*.

Участники интервью связывают предполагаемую добычу полезных ископаемых в их районе проживания с различными негативными для них последствиями, среди которых, например:

1. Ухудшение экологической обстановки. Речь идет о загрязнении воздуха и воды, уничтожении животного и растительного мира.

2. Вред здоровью, угроза жизни. Высказываются предположения о различных заболеваниях, прежде всего связанных с органами дыхания, нежелательном употреблении плодов, выращенных на приусадебных участках этого района.

3. Усиление карстовых процессов. Некоторые интервьюируемые боятся непредсказуемых провалов, в результате которых могут пострадать люди.

4. Потеря рабочих мест. (В г.Павлово находится оборонное предприятие, выпускающее высокоточное оборудование, работники которого опасаются, что возможное в связи с промышленной разработкой гипса и ангидрита запыление местности может привести к его закрытию.)

4. Снижение урожайности сельскохозяйственных культур.

5. Потеря места жительства, садовых участков и других видов собственности, находящихся вблизи месторождений.

6. Появление в городе «чужих» (приезжей рабочей силы).

7. Нарушение городской инфраструктуры.

8. Изменение атмосферы благополучия города.

Приведенный перечень возможных негативных последствий, связываемых интервьюируемыми с началом промышленного освоения месторождений гипса и ангидрита в Павловском районе, не следует считать полным, так как не производился массовый опрос населения.

Как уже было отмечено ранее, есть и те, кто боится будущего производства как не знакомого им, и не имеет достаточной для них информации, чтобы сделать какие-либо выводы (благоприятные или нет):

«Почему страх, потому что я еще не знаю, что меня ждет, вот именно, я не знаю конкретно, что меня ждет. Я же не знаю, что это».

В ходе исследования было установлено, что ситуация с предполагаемой разработкой гипса и ангидрита в Павловском районе способствовала формированию у некоторых интервьюируемых чувства общности на основе совместного переживания страха перед ней. Однако размер воображаемой общности представляется им по-разному. Кроме того, различны оценки ее значимости. Одним ощущение общности принесло чувства облегчения и поддержки, что *«не они одни такие, кто переживает по этому поводу»*, и надежду на то, что благодаря единству они смогут добиться положительных для себя результатов в решении волнующего их вопроса. Тогда как другие не испытали подобных чувств.

Чувство общности предполагает наличие как ощущения сходства с одними людьми, так и отличия от других. Существование разницы объясняется разными причинами: одни не видят ничего общего с теми, кто пытается сделать карьеру на данном деле, заработать деньги или трудоустроиться, другие отличают себя от тех, кто проявляет безразличие или бездействует в этой ситуации. Может выдвигаться одновременно несколько из перечисленных критериев различия.

Что же касается потенциала конфликтности ситуации с предполагаемой добычей полезных ископаемых, то нельзя не отметить, что некоторые интервьюируемые воспринимают ее как приводящую к противостоянию.

При анализе поведенческого потенциала в ответ на новость о возможной добыче гипса и ангидрита в Павловском районе были зафиксированы индивидуальные и коллективные действия людей.

Индивидуальные действия носят как характер отступления, так и борьбы.

В качестве совместных были осуществлены следующие мероприятия:

1) Организован сбор подписей среди населения города, которые прикладывались к письмам, отправляемым в различные инстанции, среди которых, в частности, Администрация и Земское собрание Павловского района, аппарат губернатора Нижегородской области, Гринпис, Общественная палата РФ, аппарат Президента РФ (около 10 000 подписей).

2) Привлечение обладающих тем или иным видом ресурсов (доход, престиж и статус, информация).

3) Напечатаны и распространены среди населения листовки, информирующие о предполагаемой разработке гипсового месторождения около г. Павлово и ее возможных последствиях.

4) Проведен несанкционированный митинг с привлечением средств массовой коммуникации.

Спрашивая участников интервью, которые выступали инициаторами некоторых из перечисленных мероприятий, о том, как они оценивают результативность своих действий, мы получили противоположные мнения: от *«Да ничего мы не достигли, пока, потому что, нигде ничего не отменили. Это приостановлено, но насколько, не знаю»* до *«Дело-то с точки зрения шло. ... оно идет и явно не заглохнет, и в нашу пользу»*.

Бездействие же некоторых из тех, у кого промышленное освоение имеющихся в районе месторождений вызывает ту или иную степень страха, можно объяснить следующим образом. Одни ничего не предпринимают, так как считают, что бессильны на что-либо повлиять, вторые ожидают спасителя, следующие надеются «на авось» или чужой разум, пятые растеряны либо не знают, что они могли бы сделать, шестые ссылаются на лень и отсутствие навыков самоорганизации, седьмые утверждают, что им некогда и этим должны заниматься другие, восьмые боятся возможных негативных последствий своих поступков.

Наконец, выясняя, привело ли совместное переживание страха к созданию юридически оформленной организации, занимающейся волнующим вопросом, мы не смогли получить однозначного ответа. Но высказывается желание ее учредить.

Таким образом, качественные методы позволяют более гибко подходить к исследованию состояния страха, расширить возможности его изучения и обогатить знания о нем.

В **Заключении** формулируются основные выводы, излагаются возможные пути развития темы.

Социологический аспект переживаний страха является малоизученным как в теоретическом, так и практическом плане. Накопленный опыт свидетельствует о сложности научного познания данного феномена, его социально значимых последствий. Особенно ярко это проявляется при осуществлении эмпирических исследований страхов, которые выполняются сегодня российскими социологами исключительно в количественной парадигме. С нашей точки зрения, привлечение качественных методов позволит уйти от заданных самими исследователями схем и увидеть «неуправляемые» ими результаты.

В дальнейшем развитие темы коллективных переживаний страха планируется осуществить в нескольких направлениях. Важно более детально изучить свойства эпидемиологичности страха, то есть его способности быстро распространяться на широкие слои населения, и кумулятивности, когда к одному страху присоединяются другие страхи.

Заслуживает внимания и определение роли СМИ в общественном восприятии чего-либо, использование ими страха как рамки освещения различных социальных вопросов.

Необходимо также установить возможные направления работы со стороны государственных структур по предупреждению массовых состояний страха либо их конструктивному преодолению и минимизации.

Основное содержание работы представлено

в следующих публикациях общим объемом 3,3 п.л.:

1. Мигунова, А. В. Категория социального страха: общесоциологические теоретические представления и практики измерения / А. В. Мигунова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. – Вып. 1(6). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ. – 2007. – С. 67–74. – 0,5 п.л.

2. Мигунова, А. В. Страх / А. В. Мигунова // Надежды: Сборник научных статей студентов. Вып.2. – Н.Новгород: НИСОЦ. – 2003. – С. 51-53. – ISBN 5–93116–047–7. – 0,1 п.л.
3. Мигунова, А. В. Актуальные тенденции в изучении социальных страхов / А. В. Мигунова // Перспективы: Сборник научных статей аспирантов. – Выпуск 4. – Н.Новгород: НИСОЦ. – 2005. – С. 217-224. – ISBN 5–93116–064–7. – 0,4 п.л.
4. Мигунова, А. В. Проблемы практического измерения социальных страхов / А. В. Мигунова // Социология. – 2005. – №1. – С. 187–188. – 0,2 п.л.
5. Мигунова, А. В. Влияние страха на принятие государственных решений / А. В. Мигунова // Организация в фокусе социологических исследований: В 2-х т. – Т. 1 – Н.Новгород: НИСОЦ. – 2005. – С. 307-309. – ISBN 5–93116075–2. – 0,1 п.л.
6. Мигунова, А. В. Современные риски и особенности эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций людей на них (на анализе работ У. Бека и З. Баумана) / А. В. Мигунова // Перспективы: Сборник научных статей аспирантов. – Выпуск 5. – Н.Новгород: НИСОЦ. – 2006. – С. 148–150. – ISBN 5–93116–076–0. – 0,16 п.л.
7. Мигунова, А. В. Эмоции и социальный контроль / А. В. Мигунова // Девиация и делинквентность: социальный контроль: Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. Том 1 / Под общ.ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: НИСОЦ, 2006. – С. 101–104. – ISBN 5–93116– 080–9. – 0,23 п.л.
8. Мигунова, А. В. Теоретическое осмысление категории страха в социологии риска / А. В. Мигунова // Социальные преобразования и социальные проблемы: Сборник научных трудов. – Выпуск 4. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ. – 2006. – С. 91–102. – ISBN 978–5– 93116– 081–7. – 0,5 п.л.
9. Мигунова, А. В. Качественное исследование коллективного переживания страха на примере конкретного случая / А. В. Мигунова // Социальные преобразования и социальные проблемы: Сборник научных трудов. – Выпуск 5. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ. – 2007. – 1,1 п.л.